

Л. Н. Толстой

**Избранные письма
1882-1899 гг.**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Т52

Толстой Л.Н.
Т52 Избранные письма 1882-1899 гг. / Л. Н. Толстой – М.: Книга по Требованию, 2021. – 380 с.

ISBN 978-5-4241-1916-3

К 150-летию со дня рождения Л. Н. Толстого было приурочено новое, юбилейное Собрание его сочинений в 22-х томах. В него входят все художественные произведения, статьи о литературе и искусстве, избранные публицистические статьи, избранные письма и дневники.

Каждый том сопровождается историко-литературными комментариями.

ISBN 978-5-4241-1916-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© Л.Н. Толстой, 2021

Лев Николаевич Толстой
Собрание сочинений в
двадцати двух томах
Том 19. Избранные письма
1882-1899

Список условных сокращений

- Б. вед.* — газета «Биржевые ведомости»
ВЕ — журнал «Вестник Европы».
Воспоминания — Т. Л. Сухотина-Толстая. Воспоминания. М., 1976.
ГМТ — Рукописный отдел Государственного музея Л. Н. Толстого.
Гусев, 3 — Н. Н. Гусев. Лев Николаевич Толстой. М., 1970.
Дн. — Дневники Л. Н. Толстого (т. 48–58 Полн. собр. соч.).
Дневник — Т. Л. Сухотина-Толстая. Дневник. М., 1979.
ДСТ, т. 1, 2 — С. А. Толстая. Дневники, т. 1, 2. М., 1978.
ИВ — журнал «Исторический вестник».
ИРЛИ — Институт русской литературы АН СССР.
Лесков — Н. С. Лесков. Собр. соч. в 11-ти томах. Л., 1958.
Летопись, т. 1, 2 — Н. Н. Гусев. Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого, т. 1. М., 1958; т. 2. М., 1960.
Летописи — «Летописи литературного музея», кн. 12. М., 1948.
ЛН — «Литературное наследство».
НВ — газета «Новое время».
Переписка, т. 1, 2 — «Л. Н. Толстой. Переписка с русскими писателями», т. 1, 2. М., 1978.
Письма Толстого — «Письма Толстого и к Толстому». М.—Л., 1928.
ПС — «Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым». СПб., 1914.
ПСт. — «Лев Толстой и В. В. Стасов. Переписка». Л., 1929.
ПСТ — «Письма С. А. Толстой к Л. Н. Толстому». М.—Л., 1936.
ПТ — «Переписка Л. Н. Толстого с А. А. Толстой». СПб., 1911.
РА — журнал «Русский архив».
РБ — журнал «Русское богатство».
РВ — журнал «Русский вестник».
Р. вед. — газета «Русские ведомости».
РМ — журнал «Русская мысль».
РО — журнал «Русское обозрение».
С — журнал «Современник».
СВ — журнал «Северный вестник».
ТР, т. 1, 2 — «И. Е. Репин и Л. Н. Толстой». М.—Л., 1949.
ТГ — «Л. Н. Толстой и Н. Н. Ге. Переписка», Л., 1930.
ЯПб. — Яснополянская библиотека.
Ясн. сб. — «Яснополянский сборник». Тула, 1978.

1882

1. П. С. Уваровой

1882 г. Февраля 10? Москва.

Любезнейшая графиня!

Очень сожалею, что не могу исполнить вашего желания; не могу, потому что я никогда не читал публично и считаю это для себя неприличным, во-вторых, потому что поставил себе за правило не принимать участия в филантропических увеселениях и, в-третьих, потому что несчастье 1-го марта есть, по моему мнению, такое событие, которое еще не пришло время обсуждать¹.

Пожалуйста, извините меня, графиня, и примите уверение искреннего уважения и преданности.

Ваш Л. Толстой.

2. С. А. Толстой

1882 г. Марта 2. Ясная Поляна.

Илюша расскажет тебе про меня. Я нынче пытался писать, но сделал мало². Все какая-то усталость, хотя нынче чувствую себя бодрее. Писем от тебя не получал еще и беспокоюсь о тебе. Нынче почти не выходил, — погода нехороша. Делаю пасьянсы, читаю и думаю. Очень бы хотелось написать ту статью, которую я начал, но если бы и не написал в эту неделю, я бы не огорчился³. Во всяком случае мне очень здорово отойти от этого задорного мира городского и уйти в себя, — читать мысли других о религии, слушать болтовню Агафьи Михайловны и думать не о людях, а о боге.

Сейчас Агафья Михайловна повеселила меня рассказами о тебе, о том, каков бы я был, если бы женился на Арсеньевой. «А теперь уехали, бросили ее там с дельми, — делай, как знаешь, а сами сидите, бороду расправляют».

Это было хорошо. Рассказы ее о собаках и котях смешны, но как заговорит о людях, — грустно. Тот разбирается, тот в падучей, тот в чахотке, тот скорчен лежит, тот жену бьет, тот детей бросил. И везде страдания и зло, и привычка людей к тому, что это так и должно быть. Если бы я писал утром, я бы написал тебе бодрое письмо, а теперь опять уныл.

Сейчас 12-й час, и я еду провожать Илюшу на Козловку. Прощай, душенька, целую тебя и детей. Парники нынче набиты, присылай семена. Приеду, если чего не случится, в воскресенье⁴.

3. С. А. Толстой

1882 г. Марта 4. Ясная Поляна. Четверг, 9 часов вечера.

У меня и во мне ничего нового. Сплю мало и оттого не могу работать. Нынче лучше тем, что ел лучше, с большим аппетитом. Сiju все один-одинешенек, — читаю и делаю пасьянсы. Погода нехороша. Тает и ветрено, гудит день и ночь. Чтение у меня превосходное. Я хочу собрать все статьи из «Revue», касающиеся философии и религии, и это будет удивительный сборник религиозного и

философского движения мысли за 20 лет⁵. Когда устану от этого чтения, беру «Revue Etrangère» 1834 года и там читаю повести, — тоже очень интересно⁶. Письма твоего в Туле вчера не получили, — вероятно, не умели спросить. Но зато я получил твое⁷ на Козловке. И очень оно мне было радостно. Не тревожусь обо мне и, главное, себя не вини. Остави нам долги наши, якоже и мы...⁸. Как только другим простил, то и сам прав. А ты по письму простила и ни на кого не сердилась. А я давно уже перестал тебя упрекать. Это было только в начале. Отчего я так опустился, я не знаю. Может быть, года, может быть, не здоровье, геморрой; но жаловаться мне не на что. Московская жизнь мне очень много дала, уяснила мне мою деятельность, если еще она предстоит мне; и сблизила нас с тобою больше, чем прежде. Что-то ты напишешь нынче? Ты об себе не пишешь, — как здоровье. Пожалуйста, не сдерживайся в письмах, а валяй, как бог на сердце положит.

Я нынче ходил на шоссе к большому мосту перед обедом; и все злился на Толстую⁹. В Тулу ездят на колесах, и на Козловку уже едва ли проедешь на санях. В низах вода; но и воды, и снега мало, везде проехать можно.

Что-то дети большие? Не грубят ли? Они именно грубят, а ты огорчаешься. Грубить весело, даже никому, просто сделать, что нельзя. Ангелы¹⁰, те не огорчают. Здоровье Миши как?

Я нынче думал о больших детях. Ведь они, верно, думают, что такие родители, как мы, это не совсем хорошо, а надо бы много получше, и что когда они будут большие, то будут много лучше. Так же, как им кажется, что блинчики с вареньем — это уже самое скромное и не может быть хуже, а не знают, что блинчики с вареньем это все равно, что 200 тысяч выиграть. И потому совершенно не верно рассуждение, что хорошей матери должны бы меньше грубить, чем дурной. Грубить — желанье одинаковое — хорошей и дурной; а хорошей грубить безопаснее, чем дурной, поэтому ей чаще и грубят.

Что Сережа брат, долго ли пробудет? Хотелось бы его увидеть.

Прощай, душенька. Будем живы, скоро увидимся, и будем так же, как и теперь, любить. Опять возвращаюсь с твердым намерением как можно меньше говорить. Да и нельзя. Я не буду лгать, если буду говорить, что болен нервами. Я затягиваюсь этим задором.

Что о приговоренных?¹¹ Не выходят у меня из головы и сердца. И мучает, и негодование поднимается, самое мучительное чувство.

4. Н. Н. Страхову

1882 г. Марта 12? Ясная Поляна.

Дорогой Николай Николаевич!

Виноват, что долго не отвечал вам¹², виноват, потому что знаю, что ответ мой о вашей книге¹³ вам интересен и молчание тяжело. Я как получил, так и прочел ее. Статьями о Герцене¹⁴ я был восхищен, статьей о Милле¹⁵ удовлетворен, но статьями о коммуне и Ренане¹⁶ не удовлетворен. Позитивисты говорят, что то, о чем люди думают и всегда думали, — пустяки и не надо о том думать. Они не имеют права этого говорить и выходят из затруднения, отрицая его. Это неправильно. Вы делаете то же, но хуже. Вы отрицаете не то, что думают — а то, что делают люди. Вы говорите — они делают вздор. Задача в том, чтобы понять, что и зачем они это делают.

Этим мне не понравилась ваша книга. Простите не за правду, а за правдивость.

Я устал ужасно и ослабел. Целая зима прошла праздно. То, что, по-моему, нужнее всего людям, то оказывается никому не нужным. Хочется умереть иногда. Для моего дела смерть моя будет полезна. Но если не умираю, еще, видно, нет на то воли отца. И часто, отдаваясь этой воле, не тяготишься жизнью и не боишься смерти. Напишите про себя. Мне всегда радостны ваши письма. Да напишите, что слышно про приговоренных¹⁷.

Обнимаю вас.

Л. Толстой.

5. С. А. Венгерову

1882 г. Марта конец. Ясная Поляна.

Семен Афанасьевич!

В апрельскую книжку успеть нельзя¹⁸. Публиковать вперед тоже нельзя. Почему-нибудь не удастся — и будет неприятно и вам и мне. А очень хочется и напечатать у вас мою статью¹⁹, и поддержать ваш журнал, если это его поддержит, потому что он мне очень понравился своим характером бодрости и прямоты.

Желаю вам больше всего двух вещей: сдержанности, ловкости, искусства говорить правду, но так, чтобы вас не прихлопнули. Есть ли у вас такой мастер? Если есть, то держитесь его.

И второе — главное — не сердиться и не нападать на людей больше, чем того требует их злое влияние на общество. Я еще этого не замечал, но это — ахиллесова пятка всех журналов. А интересы вашего журнала так серьезные, что избави бог спуститься до личного задора.

Денежная сторона вашего дела мне особенно сочувственна²⁰. Покупай мудрость, а не продавай ее (Экклезиаст). Что-то есть особенно отвратительное в продаже умственного труда. Если продается мудрость, то она наверно не мудрость.

Статья моя, насколько она написана, для цензуры будет крута. Как мне ни хочется сказать все, как думаю, предоставляю вам, *мастеру цензурного дела*, — выкидывать то, что может быть опасностью для журнала.

Если успею, пришлю вам скоро, а вы в корректурах пришлите мне, чтобы успеть поправить и переписать.

6. Н. Н. Страхову

1882 г. Апреля 1? Ясная Поляна.

Я говорю, что отрицать то, что делает жизнь, значит не понимать ее. Вы повторяете, что отрицаете отрицание²¹. Я повторяю, что отрицать отрицание значит не понимать того, во имя чего происходит отрицание. Каким образом я оказался с вами вместе, не могу понять.

Вы находите безобразие, и я нахожу. Но вы находите его в том, что люди отрицают безобразие, а я в том, что есть безобразие.

И почему мое отрицаемое труднее для объяснения, чем ваше, — тоже не знаю. Вы отрицаете то, что живет, а я отрицаю то, что мешает жить. Трудности же для объяснения того, что я отрицаю, нет никакой. Я отрицаю то, что противно смыслу жизни, открытому нам Христом, и этим занимается все человечество. До

сих пор уяснилось безобразие рабства, неравенства людей, и человечество освободилось от него, и теперь уясняется безобразие государственности, войн, судов, собственности, и человечество все работает, чтобы сознать и освободиться от этих обманов. Все это очень просто и ясно для того, кто усвоил себе истины учения Христа; но очень неясно для того, для кого международное, государственное и гражданское право суть святыне истины, а учение Христа хорошие слова.

7. И. С. Тургеневу

1882 г. Мая начало. Москва.

Дорогой Иван Сергеевич!

Известия о вашей болезни²², о которой мне рассказывал Григорович и про которую потом стали писать, ужасно огорчили меня, когда я поверил, что это серьезная болезнь. Я почувствовал, как я вас люблю. Я почувствовал, что, если вы умрете прежде меня, мне будет очень больно. Последние газетные известия утешительны. Может быть, еще и все это мнительность и вранье докторов и мы с вами опять увидимся в Ясной и в Спаском. Ах, дай бог!

В первую минуту, когда я поверил, надеюсь напрасно, что вы опасно больны, мне даже пришло в голову ехать в Париж, чтобы повидаться с вами. Напишите или велите написать мне определенительно и подробно о вашей болезни²³. Я буду очень благодарен. Хочется знать верно.

Обнимаю вас, старый милый и очень дорогой мне человек и друг.

Ваш Толстой.

8. С. А. Толстой

1882 г. Мая 24. Москва.

Приехал без приключений в 8-м часу. Все дома. Сережа получил 3 и Илюша выдержал — 3. Жалуеться, что он знал лучше, и ему поставили мало. Саша поразила меня своей бледностью и жалким видом²⁴. Дело, однако, идет хорошо.

Склифосовский был и сказал, что может быть неудача, но все шансы в пользу. У Илюши были Боянус, что мне было приятно, и они завтра едут на выставку²⁵. Костенька²⁶ такой, какой есть, и я делаю большие усилия, чтобы не досадовать на него. Очень приятно, тихо сидели дома. В 12 разошлись, а я прошел походить по Девичьему полю. Не жарко и тихо так, как в Ясной. Завтра запишу себе все дела и по пунктам буду исполнять.

Таня²⁷ не уедет, пока он не будет говорить. Она говорит, что думает до 1 июня, а он говорит, что отошлет ее, как заговорит. Завтра или послезавтра придет Склифосовский снимать швы, и тогда все определится; я постараюсь увидеть его.

Ты очень жалка была нынче утром, и мне жалко было тебя будить. Отдыхай хорошенько за много ночей и дней духом и телом. И умеряй свою заботливость. Только бы дети не хворали. Прощай, милая, завтра напишу, когда вернусь. Смотря по делам и решению Склифосовского. Лучше бы всего уехать с Кузминскими. Впрочем, я нынче очень устал, что-то и голова не свежа. Завтра все напишу.

Целую 6-х детей.

9. Н. Н. Страхову

1882 г. Октября 11. Москва. 11 октября.

Дорогой Николай Николаевич!

Давно у меня на совести ваше письмо. Я даже не поблагодарил за книги²⁸. Я тотчас же стал читать «Отцов» и очень многое приобрел от этого чтения. нынешний год я все лето, не переставая, занимался²⁹ и только осенью стал ничего не делать и заниматься устройством нового дома³⁰. На днях наши переехали и мы привелись в порядок, и я вот взялся за запущенные письма. Надеюсь прожить нынешнюю зиму спокойнее, чем прошлую. Вы на меня сердитесь за то, что я последний год был неприятен. Мне самому тяжело было переживать то, что я пережил. А что я пережил? Ничего такого, что бы можно было назвать; а все-таки очень определенно пережил что-то не только очень, но самое существенное. Говорю вам определенно затем, чтобы вы были снисходительны ко мне в прошедшем и не имели бы против меня ни малейшего неприятного чувства. Перемениться я несколько не переменялся; но разница моего прошлогоднего состояния и теперешнего такая же, как между строящимся человеком и построившимся. Надеюсь снять леса, вычистить сор вокруг жилья и жить незаметно и покойно.

Читаю Эпиктета, которого вы прислали — как хорошо!

Не приедете ли в Москву зимою. Как бы хорошо было. — Что вы делаете? Неужели тоскуете. И Эпиктет, и Христос не велят. Они велят радоваться. И можно.

Обнимаю вас и прошу не переставать любить меня.

Л. Толстой.

10. В. И. Алексееву

1882 г. Ноября 7-15? Москва.

Милый друг Василий Иванович.

Только что видел вас во сне и хотел писать вам, как получил ваше письмо³¹. Я скучаю по вас часто, но радуюсь, что вам хорошо. Никогда не думайте, что вам нехорошо. Ваш удел очень, очень счастливый. Разумеется, счастье все в себе; но по внешним условиям — можно жить в самых тяжелых условиях — в самой гуще соблазнов, можно в средних и в самых легких, вы почти в самых легких. Мне бог никогда не давал таких условий. Завидую вам часто. Любовно завидую, но завидую. Жалко мне вашего брата³². По вашему описанию я понял его совсем и понял в особенности хорошо, потому что это тип мне знакомый — один из моих умерших братьев³³ был немного такой и брат Фета³⁴, пропавший в Америке, был точно такой. Очень слабый ум, большая чувственность и святое сердце. И все это свяжется таким узлом, что нельзя распутать — и разрывается жизнь. Сделать тут ничего нельзя, как и вообще ничего нельзя сделать с другим человеком. Можно только самому не погрешить против такого человека. Тучков³⁵ в Курской губернии; я просил достать мне его адрес; и или сам напишу ему, или вам пришлю его адрес.

У нас в семье были нездоровья, но теперь все хорошо и более или менее по-старому. Сережа много занимается и верит в университет. Таня полудобрая, полусерьезная, полуумная — не делается хуже — скорее делается лучше. Илюша ленится, растет, и еще душа в нем задавлена органическими процессами. Леля и Маша мне кажутся лучше. Они не захватили моей грубости, которую захватили

старшие, и мне кажется, что они развиваются в лучших условиях, и потому чутче и добрее старших. Малыши³⁶ — славные мальчики — здоровые.

Я довольно спокоен, но грустно — часто от торжествующего самоуверенного безумия окружающей жизни. Не понимаешь часто, зачем мне дано так ясно видеть их безумие, и они совершенно лишены возможности понять свое безумие и свои ошибки; и мы так стоим друг против друга, не понимая друг друга, и удивляясь, и осуждая друг друга. Только их легион, а я один. Им как будто весело, а мне как будто грустно.

Все это время я очень пристально занимался еврейским языком и выучил его почти, читаю уж и понимаю. Учит меня раввин здешний — Минор, очень хороший и умный человек. Я очень многое узнал благодаря этим занятиям. А главное, очень занят. Здоровье мое слабеет, и очень часто хочется умереть; но знаю, что это дурное желание — это второе искушение. Видно, я не пережил еще его.

Поцелуйте от меня Лизу жену, Лизу Маликову, Колю. Я их всех очень люблю; поцелуйте и Бибикува. Я получил его письмо и счета и радуюсь мысли, что скоро увижу его.

Прощайте, мой дорогой, дай вам бог того, что у меня бывает в хорошие минуты — вы это знаете — лучше этого ничего нет.

Ваш друг *Л. Толстой*.

11. Х. Д. Алчевской

1882 г. Декабря 20–25? Москва?

Христина Даниловна!

Получив с некоторым недоверием от неизвестного мне лица ваше письмо³⁷, я тотчас же по прочтении его почувствовал, что имею дело с человеком искренним и серьезным, и почувствовал себя нравственно обязанным вникнуть в то, что от меня требуется, и исполнить это сколько могу. Прочтя отрывок из школьных заметок³⁸, я еще более убедился в этом, а чтение отзывов учениц³⁹ привело в сильнейшее волнение; я читал их, плакал от умиления, чего терпеть не могу. Успокоившись теперь, пишу вам. Следует ли печатать отзывы рецензентов и библиотекарей? Не знаю, так как не имею образцовых. Боюсь влияния личных вкусов при суждениях. Если рецензии эти только как бы статистические сведения о том, что больше читается и спрашивается, что лучше, полнее рассказывается, — тогда это очень, очень важные и полезные сведения. Но достоинство таких сведений тем больше, чем сведения эти независимее от всякой предвзятой мысли. Поль-дэ-Коки и «Жития святых», положим, разбираются в библиотеке больше всего и пересказываются лучше всего, как ни странно это может показаться; если, положим, это так, то это драгоценный материал, из которого могут быть сделаны выводы огромной важности. Но только чтобы выводы не смешивались с делом собирания материала. Собрание же этого материала драгоценно, чрезвычайно важно и может быть сделано, именно, в таком учреждении, как ваше, и будет тем полезнее и важнее, чем больше будет выбор предлагаемого и чем больше свободы при этом выборе. Что же касается до отзывов учениц, то это и драгоценнейший материал, и вместе самое важное поучение для всякого педагога и писателя, не ограничивающегося при своем писании одной маленькой кликой близких ему людей. Но не отзыв. Отзыв, то есть суждение о прочитанном, человек неиспорченный, слава богу, не может сделать. Тут происходит совершен-

но обратное: наша интеллигенция так воспитывается, чтобы уметь не понимать того, что она читает, судить о читаемом так, что выходит похоже на то, что она понимает. Гимназический курс в этом состоит. Человек же с уцелевшим здоровым мозгом прежде всего старается понять глубже то, что он читает, а понять можно всякую вещь мелко и глубоко. Судить же неиспорченный человек и не любит, и не умеет, и потому, по моему мнению, нужны и драгоценны будут во всех отношениях не отзывы, а различные пересказы ученицами читаемого. В них будет и самый верный, и серьезный отзыв. Сколько раз я замечал в своей практике — все хорошее, все правдивое, гармоничное, меткое запоминается и передается; все фальшивое, накладное, психологически неверное пропускается или передается в ужасающем безобразии. Кроме того, пересказы эти драгоценны по отношению к русскому языку, которому мы только начинаем немножко выучиваться.

Боюсь, что я вам говорю то, что вы сами лучше меня знаете, и потому извините меня, что я заболтался. Я так люблю это дело, и письмо ваше так расшевелило во мне старые дрожжи.

Итак, я позволяю себе советовать вам напечатать и отзывы учащихся, преимущественно, в форме сведений о том, что больше читается и лучше передается, и отзывы учащихся в форме пересказов прочитанного с наивозможной точностью передачи.

Очень благодарю вас за ваше письмо и желаю успеха вашему прекрасному делу.

Л. Толстой.

12. С. Н. Толстому

1882? г.

Письмо⁴⁰ твое очень тронуло меня тем, что видно, как мы близки и как тебе больно думать, что между нами что-нибудь есть. Я понимаю, что ты это мог думать, но я никогда и не думал так, как и не участвовал в ваших спорах с Соней, и считал, что все как всегда. Соня говорит, что она вчера шла к письменному столу, чтобы писать тебе, очевидно, чувствуя то же, что и ты, и приехавшие гости помешали ей.

Что же ты говоришь о том, что нам лучше не говорить и мы никогда не сойдемся, то это несправедливо, потому что у меня, собственно, нет никаких убеждений до дел, не касающихся моей души. Если я высказываю такие мысли, которые не касаются *моей* жизни и *моей* души и убеждения эти кому-нибудь противны и возбуждают злое чувство, то я и вперед, и назад от всех их отказываюсь. А убеждения, касающиеся моей души, никому не могут быть противны, потому что они состоят в том, чтобы всем уступать и всем делать приятное.

И я точно отказываюсь от всего, что не имеет этой цели. Что барин в рассказе моем гладкий и гадкий и умирает — это напрасно⁴¹. И от всего подобного я отказываюсь. Спасибо тебе за письмо.

Твой *Л. Т.*